

18+

Лена Элтанг

Радин

р о м а н

альпина

ПРОЗА

Лена Элтанг Радин

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67297719

Радин: Альпина нон-фикшн; Москва; 2022
ISBN 9785001396871

Аннотация

«Герои Лены Элтанг всегда немного бездомные. Место обитания, ощущение домашности им заменяет мировая культура. Можно сказать, что они с парадоксальной буквальностью воплощают мандельштамовскую формулу о том, что эллинизм – это печной горшок». Так отозвался критик Игорь Гулин об одном из текстов автора.

Новая книга Элтанг продолжает традицию: это не только классический роман о русском писателе, попавшем в опасную историю на чужой земле, и не только детективная драма, в которой есть преступление и наказание. Прежде всего это путевые записки эскаписта, потерянного европейца, человека здравомыслящего, но полного безрассудства, это дневник романтика, погружающий нас в пространство сознания героя, живущего одновременно в двух измерениях: в субъективно воспринятой социальной реальности и в пространстве персонального мифа.

Содержание

Глава первая

7

Конец ознакомительного фрагмента.

66

Лена Элтанг Радин

Редактор *Владимир Коробов*

Текст публикуется в авторской редакции

Издатель *П. Подкосов*

Продюсер *Т. Соловьёва*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Аксёнова, Ю. Сысоева*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Иллюстрация на обложке Getty Images

© Л. Элтанг, 2022

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022 Издательство благодарит Vanke, Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие в приобретении прав

* * *

Лена Элтанг

Р а д и н

р о м а н

Издательство
«Альпина нон-фикшн»

Москва, 2022

альпина
ПРОЗА

℘
Все права защищены. Данная электронная книга предна-

значена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава первая

Темный человек

Радин. Воскресенье

Он предпочел бы остановиться в знакомом отеле под названием «Тилак», где хозяином был непалец, служивший когда-то в стрелковом батальоне, маленький и суровый гурк. Над стойкой портье висел на расшитом коврике кинжал, отливающий голубоватым светом, и Радин выслушал немало историй о том, как хозяин применял его в открытом бою.

Он жил в этом отеле в прошлом году, когда приезжал в Порту по делам лиссабонской фирмы, и до сих пор помнил миндальный привкус чая, которым хозяин угощал его на террасе, выходявшей на церковь Св. Ильдефонсо. Поразмыслив, Радин заказал гостиницу классом повыше. Он ехал на собеседование по поводу новой работы и знал, что директор непременно спросит, где он остановился.

В полночь он купил билет у сонной кассирши, переплатив чуть ли не вдвое, потому что места были только в спальном вагоне, и в половине первого стоял на пустом перроне. Поезд подошел почти бесшумно, проводник взял билет, посветил фонариком и приложил палец к губам. Ночной поезд в Порту был неудобным и приходил слишком рано, но Радин не успел на вечерний экспресс, потому что застрял с друзьями

в баре, а за вещами нужно было ехать на улицу Луз.

Его одежда и книги так и лежали в коробках с тех пор, как он ушел от жены; кроме дивана и стола, в комнате не было мебели. Вместо окон там была застекленная дыра в крыше, а древний холодильник был выкрашен красной краской. По ночам до Радина доносилось мяуканье павлинов из зоологического сада, а в начале весны он слышал зов оленя, низкий, отчаянный, похожий на скрип проржавевших ворот.

– Так и будешь искать повод сюда являться, – сказала Урсула, когда пару дней назад он пришел за дорожной сумкой. – Ты бы забрал отсюда все свое, найми грузовое такси и забери.

– Заберу, – сказал Радин, оглядывая полки с книгами. – Может, пару стульев одолжишь? И постельное белье.

– Мебель делить не будем. – Она вынула из шкафа несколько простынь. – Тебе здесь ничего не принадлежит. А если найдешь денег на адвоката, то я напишу в департамент эмиграции, что ты применял ко мне насилие, и тебя вышлют отсюда в двадцать четыре часа.

Насилие, надо же, удивился Радин, спускаясь по лестнице. Вот не думал, что она сможет сказать такое с серьезным лицом. Куда, черт возьми, подевалось наше веселье?

Сложив в сумку рубашки и рабочую тетрадь, Радин пристроил сверху компьютер, потом решил его не брать, но подумал о двух вечерах в отеле и оставил. Пригодится кино посмотреть. Прошлой весной он и дня не мог прожить без лап-

топа, это было его лезвие, изрезанное рунами, вечный спутник в кафе и поездах. Теперь только бумага. Стоит положить пальцы на клавиши, как мысль тускнеет и, вильнув хвостом, уходит на глубину. Побочный эффект терапии, если верить доктору, но Радин не слишком ему верил.

В клинике Прошперу разрешали только рисовать, складывать пазлы или лепить из пластилина, так что Радин в основном рисовал. Может, поэтому маляр из него вышел не такой уж скверный. Когда через месяц ему пришлось снять себе жилье на окраине, стены в комнате оказались зелеными, того самого казенного цвета, которым были выкрашены коридоры в питерской школе. Через пару дней Радин затосковал, поехал в магазин, купил краску, валики и пластик, чтобы закрывать пол.

Десяток слов добавился к его португальскому, в том числе и *lixa*, наждачная бумага. Радин красил в три слоя, выжидая, пока просохнет, ему нужен был обещанный оттенок бирюзы, такого цвета были яйца дрозда, найденные однажды в роще под Токсовом. И обложка его рабочей тетради в косую линейку.

Вернувшись из клиники, Радин начал покупать себе тетради, наточил целый стакан карандашей, но работа все равно двигалась медленно, так медленно, что он уже не верил, что сможет закончить. Роман утопал в черновиках, черновики теснились в ящике стола, как некрасовские лакеи в прихожей, *а дозваться никого решительно невозможно!* В Пор-

ту он надеялся поймать волну и взял с собой основную тетрадь, толстую, рассыпающуюся, похожую на записную книжку букмекера.

* * *

Синий железнодорожный плед в лунном свете казался белым, поезд шел быстро, постукивая по стыкам, мелкий заветренный зубчик месяца летел за ним не отставая. Радин свернул куртку и сунул ее в багажную сетку, стараясь не шуметь. Розетки в купе не оказалось, зато обнаружился ребристый кружок радиоточки. На одной полке стоял чемодан, на другой, повернувшись лицом к стене, спал человек, лунный свет косо падал на крупную лысую голову. Радин замешкался, задел какую-то палку, с грохотом упавшую на пол, и тут же услышал шаги проводника. Тот показал большим пальцем на юг, пытаясь, видимо, сказать, что попутчик сел в Фаро, и посветил фонариком на пол, где они увидели трость с набалдашником в виде утиной головы.

Поставив трость на место, Радин устроился на своей полке, включил тусклую лампочку, достал тетрадь и собрался было работать, но тут попутчик завозился и спросил простуженным голосом:

- Пишете? Давно я не видел, как пишут ручкой по бумаге.
- Простите, что помешал вам спать.
- Вы русский? У вас славянский акцент, я его всегда

узнаю!

– Да, русский, но живу здесь уже четыре года. – Радин захлопнул тетрадь, щелкнул выключателем и вытянулся на полке.

Попутчик спустил ноги на пол и сидел, облокотившись на откидной столик, где в железной вазочке белели хризантемы. Луну затянуло тучами, в купе стало темно, однако попутчик выпил воды и говорил теперь не умолкая: о погоде на побережье, о выставках, о скандале в футбольном клубе. Радин пытался отвечать междометиями, но голова становилась все тяжелее, и наконец, пробормотав извинения, он закрыл глаза.

– Это настоящая, безупречная смерть, – донеслось до него сквозь сон. – Непременно посмотрите на нее, когда будете в галерее. Вы ведь русский, вам доступны вещи такого рода. Смерть именно так и выглядит: августовское небо, сизая рябь на речной воде, погреб с портвейном. В ней нет ничего бесчеловечного.

– Погреб? – переспросил Радин, открывая глаза.

– Если стоять на мосту, то слева от вас будет Вилла-Нова, заставленная винными складами. Так вы согласитесь мне помочь? Это займет не больше часа, а я готов заплатить пять сотен, уж больно вы хорошо подходите. Как будто вас небеса послали! Будь вы португальцем, она бы не поверила. А с русского детектива какой спрос?

– Детектива? Простите, но я задремал и слышал только

часть вашего рассказа. – Радин пытался рассмотреть лицо попутчика, но оно оставалось в лунной тени.

– Меня зовут Салданья. Я хочу нанять вас для одного несложного дела в городе, – терпеливо повторил попутчик. – Вам нужно будет зайти в картинную галерею, сказать, что вы частный детектив, специалист по розыску людей, и что теперь вы ищете русского парня, пропавшего в прошлом году. Он был приятелем австрийца, который там работает, они вместе играли на бегах. Некоторые следы, скажете вы, ведут в галерею, социальные сети, звонки и прочее. Они ответят, что ничего не знают, и вы пойдете к себе в отель. Это все.

– А зачем вам это?

– Не стоит вникать, просто заучите слова. Хозяйку галереи зовут Варгас. Со мной она разговаривать не станет, мое лицо ей хорошо знакомо. Меня в городе многие знают. Вы же читаете мою рубрику в «Público»?

– Нет, простите, – произнес Радин, чувствуя, как быстрый ход поезда прижимает его голову к подушке.

– Я много лет занимаюсь журналистскими расследованиями, и мне часто приходится привлекать посторонних людей. Романист, конечно, не лучший вариант, зато ваше происхождение идеально подходит. Ладно, плачу семь сотен, больше не могу.

– Да с чего вы взяли, что я романист? – спросил Радин и тут же заснул.

Проснувшись, как ему показалось, через минуту, он по-

нял, что поезд стоит на маленькой станции, а сосед продолжает говорить. В утренней дымке голубели азулежу на фасаде: листья алоэ, лодки и паруса. Старый вокзал Авейру. Значит, ехать осталось часа полтора.

– Можно засолить акулу в аквариуме с формальдегидом, – бубнил попутчик, – и автора этой шутки не посадят в тюрьму за мошенничество. Это говорит о бедности нашего времени. О сговоре галеристов и критиков, лепящих статус художника кому попало, но больше – о бедности. Так вы согласны? Я напишу текст, который нужно произнести.

– Вынужден отказаться, простите. – Радин протянул руку к бутылке, попил воды из горлышка, откинулся на подушку и закрыл глаза.

Поезд тронулся, миновал туннель и теперь набирал ход, неплотно закрытая дверь купе постукивала о железный косяк, голос попутчика становился все тише, и последнее, что Радин услышал, было:

– Галерея Варгас, неподалеку от ратуши.

Лиза

По дороге на репетицию я снова видела эту пару на площади, только сегодня они были в красном, наверное, потому, что день был пасмурным. Девочку я знаю, раньше у нас училась на народном танце, у них там полоумный хореограф, строит из себя Фернандо Граса. А парня, кажется, уволили из «Companhia Nacional de Bailado» после июньской заба-

стовки. И чего они взбесились из-за лишних пяти часов, взяли бы меня в эту труппу, я бы день и ночь скакала в кордебалете и еще полы бы в театре мыла. Эти двое ставят две колонки на землю, кладут шляпу и танцуют под *por una cabeza* при любой погоде, похоже, дела у них совсем плохи. Прямо как у нас с Иваном четыре года тому назад.

Когда мы приехали в этот город и сняли комнату, которая раньше была складом для пишущих машинок, у нас было три сотни на двоих, и деньги сразу кончились, в первый же день. Двести за комнату вперед, сорок за шерстяное одеяло, потому что зима была промозглая, десять за кофе в зернах и полтинник за газовый баллон.

Через два дня Иван ушел грузить вагоны, вернулся наутро с пакетом еды и двумя бумажками, на одной было написано «работа на риа Севильяна, 17», а на другой какие-то имена. На мой вопрос, что это за работа, он буркнул *отделять зерна от плевел* и ушел спать, а я представила себе Золушку, склонившуюся над мешками фасоли, и расплакалась, ведь если бы не я, он сидел бы в своей редакции, у окна с видом на Исаакиевский собор. Потом я пошла на репетицию, по дороге снова плакала, потом напудрилась чужой розовой пудрой, и стало еще хуже.

Когда я вернулась, он был уже веселый, сказал, что я фенек, маленькая пустынная лиса с большими ушами, снял с меня трико прямо в коридоре и отнес на кровать, я сразу поняла, что он курил траву, но промолчала, уж лучше трава,

чем жизнь на сквозняке. С тех пор прошло четыре года, и чего только не было, однажды он оставил мой кошелек в зеленой лавке, и мы на неделю остались без копейки, точно такую же историю я слышала от бабушки, только там были хлебные карточки.

Радин. Понедельник

Начинать лучше прямо с утра, сказал доктор, которого жена Радина считала лучшим в городе, может, потому, что он был каталонцем, как она сама. У доктора было помятое лицо с неожиданно яркими зелеными глазами и лохматыми бровями, изогнутыми в скобку, отчего лицо всегда казалось удивленным.

Радину нечем было удивить доктора, его история была обычной, сначала депрессия, потом пьянство, после пьянства – клиника, на которую ушло все, что оставалось от американского издания, а после клиники – внезапные рыдания, настигавшие Радина где угодно, на встрече с клиентами, в постели с женой или просто на улице.

Урсула смирилась с потерей денег, выброшенных на выпивку, а потом на лечение, она смирилась даже с тем, что Радина выставили из конторы, куда она засунула его всего полгода назад, подняв все свои связи в чужом городе. Но смириться с рыданиями она не смогла. Мужчина, способный показать свои слезы, был для нее чем-то обреченным, скользким, безнадежно бьющимся, будто речной карась в ведре у

рыболова.

Радин принес ей записку от нарколога, где скудной латынью объяснялось: тра-та-та, побочный эффект, все пройдет, как только психика пациента стабилизируется. Но Урсула отправила его к остроглазому каталонцу, владельцу кабинета в Альфаме, где кушетка была ковровой и пыльной, будто в марокканской курильне. От докторского стола кушетку отделяла ширма с резными панелями, на одной панели Радин разглядел журавля.

– Вас в детстве просили покашлять, когда доктор приставлял к спине стетоскоп? А я попрошу вас заплакать. Заплачьте!

– Не могу. У меня в горле пересохло!

– Друг мой, представьте свою обиду и заплачьте. Давайте подкрутим колесико яркости. Вас нигде не печатают? Жена не читает ваших рукописей?

– Моя жена вообще ничего не читает. Мой первый роман перевели уже на два языка. А другие колесики бывают?

– Подумайте о своей склонности к деструкции, и слезы польются. Даже работодатели чувствуют вашу разрушительность, как лиса чует ружейное масло.

– Может, они и правы, эти ваши работодатели. Две фирмы, в которых я здесь работал, уже обанкротились. Даже страна, в которой я некоторое время жил, развалилась!

– Много на себя берете, – хихикнул за ширмой каталонец. – Еще скажите, что это вы породили суровую зиму,

удушливую жару, ядовитых змей и насекомых. У вас обычный вельтшмерц, друг мой. Эмиграция, алкоголь и недостаток любовного жара.

– Доктор, давайте ближе к делу. Мой нарколог обещал, что побочные явления пройдут, но они не проходят. Например, я совершенно не слышу музыки, разве что барабаны немного различаю. Все остальное – нагромождение звуков, вой и разноголосица. Слышали, как настраивают инструменты в оркестре?

– Не слушайте своего нарколога, он просто бодрый дровосек. Люди вашей профессии часто живут так, как будто ждут прихода взрослых, и, когда становится ясно, что взрослые не придут, они огорчаются, как дети. Видите ли, огорчение – это ливень, который никогда не прекращается, льет на крышу, пока несущие балки не сгниют.

– Вы хотите сказать, что я не в себе? Так скажите прямо.

– Он еще учить меня будет! Начните с простых упражнений: убедите себя, что любить вас не за что, придумайте мантру из пяти слов, начинайте прямо с утра. Например: *я бездарь, я темный человек*. Лучше произносить ее на родном языке!

Через полчаса Радин вышел на залитую солнцем улицу, купил в автомате кофе и пошел домой, предвкушая, как он станет описывать эту сцену своим друзьям. Урсула уехала в Валлирану, к родне, так что можно выпить в баре с ребятами из русской газеты. Откуда его тоже попросили, потому что

он разрыдался во время интервью с тренером футбольной сборной, которого редактор упрасивал целую неделю.

Дождаясь зеленого света, Радин почувствовал жажду, которую кофе не мог утолить. Не хватало еще заплакать на перекрестке авениды Диагональ. Проходя мимо стены парка Курсель, выложенной зеркальными осколками, он наклонился к самому крупному осколку, скорчил своему отражению рожу и тихо сказал: я бездарь, я темный человек.

* * *

– Северная столица приветствует гостей! – сказал скрипучий голос, и Радин открыл глаза. Дверь купе была приоткрыта, и сквозняк шевелил хризантемы на столике, теперь он разглядел их матерчатые листья, на одном листке сидела божья коровка, совершенно как живая. Проводник прошел по вагону, заглядывая в пустые купе, и рассмеялся, увидев Радина:

– Так и знал, что проспите! Ничего, время есть, собирайтесь не торопясь. Ваш сосед велел вам кланяться.

Радин сел, спустил ноги на пол и огляделся. На столике лежали апельсиновая кожура и перочинный нож, рядом стояла бутылка с водой. Голубой тетради не было. Он проверил сумку, обшарил постель, прощупал батарею под откидным столиком, заглянул под матрас. Некоторое время он стоял, оглядывая купе, чувствуя, как немеют кончики пальцев. В

тетради было два года работы, там оставалась всего пара чистых страниц, и он уже приглядел новую в витрине писчебумажной лавки.

Попутчик украл роман? На кой черт ему исписанный киллиней grossbux? Радин взял со стола бутылку и залпом выпил теплую воду. Потом он достал куртку из багажной сетки и проверил карманы: документы и бумажник были на месте. В боковом кармане лежала записка, написанная карандашом, он прочел ее несколько раз:

Я взял вашу тетрадь, у меня не было другого выхода. Свяжитесь со мной, когда исполните мою просьбу. Вы немедленно получите свой роман и деньги. Плачу тысячу (1000!).
С.

Дальше шли какие-то инструкции, но Радин скомкал записку и швырнул ее на пол.

В полицию идти бессмысленно, скажу, что у меня тетрадку украли, а они скажут *vai tomar no si*. Мимо двери прошел проводник со стопкой полотенец, придерживав полотенца подбородком, он показал рукой на перрон и подмигнул. Радин взял сумку, поднял смятую записку и вышел на перрон.

И все же в океане, далеко, вспомнил он, оглядывая вокзальную площадь, залитую холодным утренним солнцем, *рейс, кажется, идет не так легко!* До гостиницы было минут двадцать пешком, и Радин решил позавтракать на набережной. Два года назад там подавали свежую рыбу, а на прилавке стоял бочонок местного пива, почти черного, с кис-

линкой от жженого солода.

До встречи с директором фирмы оставалось восемь часов. Если и здесь не возьмут, придется уходить на фриланс и сидеть над чужими текстами, над поэмами о сыре, сычужине и молочном сахаре. Или дописывать роман, в конце концов. Но что теперь дописывать? Тетради больше нет, а в лаптопе болтается прошлогодний вариант, унылый, словно заброшенная ферма с торчащим посреди двора колодезным оголовком.

Добравшись до моста, Радин обнаружил, что канину снесли и поставили фанерный киоск, где продавали картошку с анчоусами. Он купил подтекающий маслом пакет и устроился на парапете, глядя на берег Гайи, сплошь застроенный винными складами. По реке медленно двигался паром с туристами. Каждый раз проходя под мостом, капитан подавал сигнал, и пассажиры послушно задирали головы.

Мостов было пять, и самый последний – мост Аррабида – казался едва заметным штрихом, сарматской застежкой на устье реки, золотой изогнутой фибулой. За мостом начинался океан.

Иван

День был такой солнечный, когда она зашла в редакцию на Большой Морской, что казалось, краски выцветают на глазах, стены, бумага, свет из окна, все стало белым, как тепленькое молоко. Под потолком слабо поскрипывал вентилятор,

от этого духота казалась еще плотнее. В полдень все ушли обедать в столовую, я остался один и лежал головой на столе. Дверь хлопнула, и я поднял голову. Она стояла на пороге, маленькая, прохладная, с бритой головой, в мятых льняных штанах.

– Какое у вас тут арктическое лето, – сказала она. – Я принесла объявление, это правильный кабинет?

– Давайте его сюда, – сказал я шепотом.

Любовь, будто простуда, чиркнула по горлу. Когда она села напротив меня и принялась копаться в рюкзаке, жара сразу спала, и лопасти вентилятора тихо зажужжали. Я смотрел на золотую луковицу ее головы, на губы африканского мальчика, на розовое пятнышко между бровями. Я не знал, о чем спросить, чтобы она подняла глаза, и любовался ею тайно, будто карпом в японском пруду.

– Зачем вы так голову побрили?

– У меня были вши, – сказала она, вынимая из рюкзака бумажки, заложенные почему-то в справочник «Лекарственные растения». – В нашей балетной школе недавно были вши, почти у всех, и у меня тоже.

– Так вы танцуете? – Я взял ее бумажки, сунул в папку для субботнего номера, спросил, не хочет ли она мороженого, и она кивнула.

Вернулись наши из столовой, дверь принялась хлопать, загудели принтеры, жара вернулась, и я сразу устал. Потом мы дошли до ее дома и постояли на лестничной площадке,

куда свет попадал через грязные витражи, а потом полгода куда-то делись, и началась винтовая португальская лестница, по которой мы побрели, заходя в съемные комнатухи, гарсоньерки с расколотыми биде, и выходя из них с коробками, которых становилось все больше, потому что она помешана на местной керамике, с оленями, похожими на ящериц, а я иногда все же выигрывал и покупал ей дурацкие тарелки.

Еще она любит рисовые хлебцы и запах клеевой краски. Теперь я знаю цвет ее глаз, я даже знаю цвет ее внутренних бедер, или как там это называется, я еще не насытился этими бедрами, недрами и алой чавкающей глиной ее болот, другое дело, что она смотрит на меня ледяными глазами, будто на вора, да я и есть вор.

Радин. Понедельник

В гостинице шел ремонт. За стеной номера жужжало сверло, а двери внизу хлопали так часто, будто в коридоре завелся морской сквозняк. Здание смахивало на ганзейское судно, застрявшее на стапелях: окна были круглыми, полосатые маркизы полоскались на ветру, а корму занимали площадки с ресторанами. Радина поселили на самом верху, в бочке для лучников.

Выложив вещи на кровать, он вспомнил, что нужно найти мастерскую, потому что в лаптопе поселились муравьи. Вчера, укладывая компьютер в сумку, он обнаружил пятерых, крошечных, как кунжутные семечки.

Радин открыл мини-бар и выпил холодной газировки. Потом он заглянул в туалетную комнату и увидел душевую кабину, хотя номер обещали с ванной. Раздевшись догола, он надел наушники, нашел в телефоне сенегальские барабаны, намочил полотенце под краном и растерся им до красноты.

Спустившись в лобби, он подошел к портье, чтобы взять карту города, и его попросили расплатиться за номер наличными. На карточке не хватает средств, сказал портье, свяжитесь с вашим банком! Радин сказал, что так и сделает, и отправился искать мастерскую. Портье отметил ее точкой на карте, но Радин немного заплутал и вышел на площадь Триндаде только к десяти утра.

Мастерская обнаружилась в подвале, мастер вынес на улицу стул и сидел с чашкой кофе, жмурясь на утреннем солнце. Радин вспомнил слово *формига*, рассказал про муравьев, и тот засмеялся:

– Да ты шутишь, парень! Муравьи похожи на людей, они любят сладенькое. Поставь-ка его на карниз и смотри, как все просто.

Мастер отхлебнул кофе, сунул палец в чашку и покрутил там немного, потом провел пальцем по карнизу, мазнул кофейной гущей вокруг дисковода и снова откинулся на спинку стула:

– Сейчас сами выйдут, а ты пойди погуляй!

Обойдя пустую площадь с фонтаном в виде пеликана, Радин не нашел скамейки и лег на газон. Вчерашнее вердехо

еще давало себя знать, во рту пересохло, лоб замерз.

Он достал из кармана джинсов записку попутчика, расправил и прочел несколько раз. Текст монолога был не слишком сложным, под ним приписали номер телефона, обведенный кривым сердечком. Листок был вырван из его собственной тетради. Вор Салданья, наверное, до утра сидел, глядя в темное окно и размышляя, как меня принудить.

Вода из клюва пеликана мерно капала на мозаичное дно. Слева от него голубела мозаика церковного фасада, а сверху смотрели пророки Илья и Елисей. Капли становились все громче, казалось, они падают в жестяное ведро, белый пеликан задрал голову и захлопал крыльями. Потом он разодрал себе грудь и напоил птенцов своей кровью. В мешке у пеликана с грохотом перекатывались камни, принесенные для строительства мечети.

Какой еще мечети? Некоторое время Радин лежал не шевелясь, стиснув зубы, он уже знал, что сопротивляться бесполезно.

С колокольни донеслись два удара, половина одиннадцатого. Радин сложил записку вчетверо, сунул обратно в карман и попытался вспомнить голос попутчика. Что он там говорил – что меня бог ему послал? Я даже лица его в темноте не видел. А он не видел моего. Тысяча монет за то, чтобы произнести четыре фразы?

Он встал, пересек площадь и увидел слева от себя здание ратуши, а справа – новое краснокирпичное здание, сияющее

темными стеклами. «Галерея Варгас». *Hablando del diablo*, подумал Радин, помяни черта, и он тут как тут. Ладно, попутчик, лысая твоя башка, я сделаю то, что ты просишь, это нетрудно. По крайней мере из отеля не выселят. Радин вернулся в подвал, забрал компьютер, заплатил пятерку и спросил у мастера, где можно заказать визитные карточки.

Ближайшая картолерия нашлась в пяти минутах ходьбы, хозяин уже собирался уходить на обед, но вернулся за прилавок и радостно спросил: бумага с металлическим блеском? Радин согласился на белую с тиснением и сделал срочный заказ на полсотни. Он выпил кофе в двух кварталах от картолерии, забрал свой пакет, рассовал по карманам визитки и вернулся на площадь с пеликаном. Проходя мимо фонтана, он зажал уши руками, хотя знал, что это не поможет.

* * *

Поднявшись на крыльцо галереи, Радин толкнул было стеклянную дверь, но она была заперта. Нажав кнопку звонка, он дождался сигнала и вошел в просторный зал, в середине которого стоял медный треножник, покрытый куполом, под куполом гудело синее газовое пламя. Радин громко сказал *boa tarde*, но ему никто не ответил, где-то за стеной плескалась музыка, он различил виолончель, но ее тут же накрыло привычным войлоком.

Выйдя на середину зала, обитого железом, он огляделся:

картин в галерее было всего восемь, одна голубая, одна зеленая, остальные закрыты полотняными простынями, будто мебель в заброшенной усадьбе. Наверное, кто-то из местных, подумал Радин, подходя к голубой работе и разглядывая пятно посреди холста, похожее на каплю крови. Это был городской пейзаж с бетонным мостом через реку, с моста падал человек, за мостом начинался океан. На второй картине под слоем кобальта просвечивали золотые чешуйки, будто рыбы стояли на хвостах, приложив губы к поверхности воды.

– Вы опоздали, – сказали у него за спиной.

– Простите?

Маленькая женщина в вязаном пончо вышла из комнаты с табличкой *escritório* и стояла в дверях, сложив руки на груди. В тусклом освещении ее волосы отливали синим и лежали на щеках как два сорочьих крыла.

– Так дело не пойдет. Я ждала вас к половине первого. – Она направилась в кабинет, громко стуча каблуками, а Радин пошел за ней.

В кабинете женщина села за письменный стол и показала рукой на кресло, предлагая Радину сесть напротив. Стены здесь тоже были железными, мятыми, столешница была затянута красной кожей, а на полу лежала пятнистая шкура.

– А почему у вас работы в зале закрыты полотном? Хотелось бы взглянуть на них, – сказал Радин, выложив на стол визитную карточку. – Вы ведь позволите?

– Итак, вы прочли мое письмо и знаете все детали. – Она

пропустила его просьбу мимо ушей. – У вас довольно сильный акцент. Впрочем, я по фамилии поняла, что вы нездешний.

Он молча кивнул, разглядывая ее лицо, смуглое и бледное, как у всех местных женщин, цвета изнанки табачного листа. Кресло было похоже на две автомобильные шины, положенные друг на друга, сидеть в нем было удобно, хотя колени торчали перед лицом.

– Сеньор Питтини, верно? – Она выдвинула ящик стола и достала записную книжку. – *Vi prego, abbiamo poco tempo.* Мне нужен такой же лебедь, какого вы сделали для сеньоры Эмилии. Все держим в секрете, это необходимое условие.

Радин вздрогнул от звука итальянской речи и отвел глаза. Почему она даже не взглянула на мою визитку? И кто этот Петтини – декоратор?

– Размером лебедь должен быть такой же. И полное сопровождение!

Лучше мне уйти, пока не поздно, думал Радин, чувствуя странную нарастающую радость и удивляясь ей. Здесь какая-то незаконная затея, как пить дать.

– Устрицы фин де клер и, пожалуй, пару ящичков совинона, – продолжала галеристка, помечая в записной книжке золотым карандашиком. – Тапас на ваше усмотрение. Униформа обязательна, посуда одноразовая, салфетки полотняные. Составите смету и пришлете мне не позднее семи часов. Вам ясно?

Что устрицы, пришли? о радость! летит обжорливая младость, вспомнил Радин, глядя на крупный, густо накрашенный рот. Извиниться и выйти вон, пока она не опомнилась. Выйти, вернуться в гостиницу, где ждет неоплаченный счет, и обратиться из города несолоно хлебавши, на жесткой скамейке второго класса.

– Боюсь, вы ошиблись, сеньора Варгас, – сказал он, откинувшись на спинку кресла. – Я не итальянец из кейтеринга. Я частный детектив из Санкт-Петербурга. Меня наняли, чтобы найти пропавшего человека.

Лиза

Прабабушка Паша всегда дарила мне на день рождения подставку для ножей с двумя лаликовыми головами ангелов, каждый раз ту же самую, потом она умерла и не смогла забрать ее обратно из буфета, так что ангелы остались у нас, пережили маму и разбились при переезде. Пра жила на Маклина, а к нам на Малый проспект приходила раз в месяц, чтобы сводить меня в кафемороженое, я быстро поела земляничное с сиропом и убеждала ее заказать себе такое же, нет уж, говорила пра, доставая свой стыдный вязаный кошелек, сама ешь, у меня от него зубки зябнут.

Когда я увидела Ивана в редакции, он мне не слишком понравился, я даже хотела дождаться другого клерка, чтобы отдать объявление. Светлые, воспаленные, будто морем разъеденные глаза, которые он все время тер кулаком, наду-

тый вид, неровные пятна румянца, все выдавало в нем человека слабого, закрытого, с плохо прогретой сердечной мышцей, к тому же он был похож на одного аспиранта, с которым я встречалась после школы, а тот был самый настоящий ботаник, перед свиданием он покупал дурацкие колокольчики, чтобы вешать себе на разные места, от их позвякивания мурашки бежали по всему телу, будто от холода.

Потом, когда мы вышли на улицу, Иван купил мне винограду с уличного прилавка, выгреб последние монеты, и еще не хватило, но продавец махнул рукой, подмигнув мне из-под мехового кепи. В какой-то момент, пока Иван рылся в карманах, мне показалось, что он достанет потертый вязанный кошелек моей пра! Бедный, бедный, думала я, возвращаясь домой, выучился на филолога и пропадает в рекламной газетке, наверное, обедает в складчину с теми шумными людьми, от них оглушительно пахло вареной капустой.

Через неделю он позвонил мне, позвал прогуляться по Петроградской стороне, а там завел во дворик возле кинотеатра «Свет», вытащил из сумки бутылку вина, развернул бумагу с ветчиной и засмеялся: бокалов нет, я опаздывал, очень хотелось вас угостить, а кабаки я с трудом переносу. *Chateau Montrose St Estephe*. В винах я немного разбираюсь, после школы ходила на курсы сомелье, правда, всего два месяца, но хватило, чтобы понять, что мы пили на скамейке возле ржавых качелей.

Я тогда не знала, что Иван играет, подумала, что он влез

в долги, чтобы произвести на меня впечатление. В тот день, сидя верхом на скамейке, я разглядывала его с удивлением: куда подевались бесцветный голос и линялый румянец? На меня смотрели длинные, нестерпимо синие глаза, темный, будто перышком обведенный рот произносил что-то живительное, смешное, а чистое, худое лицо казалось прохладным, как яблоко. Да тот ли это парень вообще?

Я прихлебывала из горлышка, а он был голоден и занялся ветчиной, мы сидели возле чужого парадного, люди входили и выходили, оскомины сковала мне десны, но я не успокоилась пока не выпила все, что было. Потом он отвел меня домой, и мне пришлось минут двадцать посидеть в подъезде на подоконнике, чтобы выветрился хмель.

Я сидела там, думая о том, что лицо Ивана проявилось, словно переводная картинка, о том, что это преобразование заключает в себе загадку, которую мне пока не хочется разгадывать, и о том, позвонит ли он мне завтра с самого утра. Он позвонил через два месяца, в сентябре, попросил денег в долг, а потом пропал еще на полгода.

Радин. Понедельник

– Боюсь, что не смогу вам помочь, – сказала Варгас, наморщив нос. – Судя по всему, ваш русский приходил сюда к моему помощнику Крамеру, а я ничего не знаю о его связях за пределами галереи. Человека по имени Иван я ни разу не видела, такое имя трудно забыть.

– Расскажите об этом Крамере? – спросил Радин, с трудом выпрастываясь из кресла. Пора было произносить монолог, но у него пересохло во рту. Он подошел к полке, где выстроились бутылочки «Peggie», и вопросительно посмотрел на хозяйку, она кивнула.

– Кристиан стажировался у нас примерно полгода, он учился в академии искусств, писал биографию знаменитого художника. Галерея намеревалась ее издать, у нас даже договор подписан, но текст мы так и не получили.

– Значит, он у вас больше не работает. – Радин отхлебнул из горлышка, вода показалась ему соленой. – И связаться с ним никак невозможно?

– Думаю, он давно уехал из города, – скучно сказала Варгас.

Маленькая, синеволосая, в черном оперении, она напомнила ему баклана, виденного однажды в дельте Волги, когда отец взял его с собой на охоту. Бакланы тоже говорили скучными, низкими голосами: *хоророро*. Хотя вполне вероятно, что он их потом придумал. Радин вздохнул, собрался с силами и произнес то, что следовало.

– Мы получили информацию от лиссабонских коллег: в январе наш объект был там на собачьих бегах, вместе со своим приятелем Крамером, а в феврале их обоих видели на городском вокзале. Судя по всему, русский парень скрывается от долгов. Поскольку ваш помощник тоже увлекается ставками на канидроме, я подумал, что стоит проверить этот

след. Очень жаль, что он оборвался.

– Что-нибудь еще?

– Могу я взглянуть на те картины, что закрыты полотном?

– Нет, не можете. Эти холсты будут показаны публике в день открытия. А вы что, интересуетесь живописью? Среди наших клиентов есть русские коллекционеры и знатоки.

– Я не стал бы причислять себя к знатокам. Но если вы позволите...

– Боюсь, что не смогу, – сказала Варгас, не дав ему договорить. – Правила аукциона довольно жесткие. А теперь мне пора заняться подготовкой к приему. Я, собственно, ждала Питтини, человека, который обеспечит закуски, но он опаздывает.

– В таком случае благодарю за помощь. – Радин поклонился, сунул пустую бутылку в корзину для бумаг и направился к двери.

– Постойте! Как вас там, подождите.

Он встал у дверей, с надеждой поглядывая в сторону выставочного зала. Заклепки на стенах зеленели на солнце, словно жуки-бронзовки. Галеристка подошла и протянула ему буклет с размашистой надписью «Александр Понти: возвращение».

– Это вам на память. Понти – наш гений, настоящий портеньо. Такая потеря для страны. Прощайте, детектив. Где же этот проклятый итальянец?

Ресторан в яхтенном порту был маленьким, на белом резиновом полу веранды стояли лужи, Радин выходил туда курить, директор выходил постоять рядом, они смотрели на берег Гайи в мокром тумане. Отлив оставил берег блестящим от донной грязи, несколько рыбацких лодок плотно засели в тине, за стеной крепости открывался выход в океан, едва намеченный сизой дымкой.

После закусок им принесли рыбу, но Радину уже не хотелось есть, он понял, что тратит время впустую, директор даже не спросил его, что он делал в прежней фирме и почему уволился. Радин приехал по рекомендации почтенного предпринимателя, и директор не мог послать его куда подальше по телефону. Еще один настоящий портеньо!

«Invierno Porteño», холодные клавиши и бандеон, пластинка, которую он выменял в школе на «Картинки с выставки». Все бы отдал, чтобы послушать четыре эпизода подряд, пусть даже запиленную, на старой отцовской радиоле. Но куда там, музыка мертва, остались одни барабаны из бычьей кожи.

Прощаясь, Радин похлопал директора сразу по обоим плечам, на лиссабонский манер. На директоре был шейный платок и остроносые ботинки, как на моднике времен Директории. По дороге Радин купил бутылку белого, откупо-

рил ее на набережной и немного поплакал. Добравшись до отеля, он набрал номер попутчика, и тот сразу ответил.

– Мне жаль, что пришлось прибегнуть к такому способу, – сказал Салданья, – но у меня не было выхода. На вашем месте я бы тоже отказался. Ночь, незнакомец в темном купе...

– Послушайте, я сделал то, что вы просили, – перебил его Радин. – Думаю, что насчет тысячи вы погорячились. Верните тетрадь, оплатите два дня во «Фрегате», и мы будем в расчете.

– Разумеется. Я пришлю ваши записи в отель. Но расскажите, как все прошло. Сеньора Варгас вам поверила?

– Думаю, у нее не возникло сомнений. Сначала она приняла меня за поставщика морепродуктов. Боюсь, что ваш текст она вообще пропустила мимо ушей.

– Неважно. Главное, что вы произнесли его вслух. А картины-то видели?

– Только две, голубую и зеленую с золотыми рыбами, последняя меня не слишком впечатлила. Много кобальта, drobный мазок... Одним словом, теплый, привычный импрессионизм.

– Зеленую? – перебил его попутчик. – С рыбами? Вы уверены, что были в правильной галерее? Хозяйку точно звали Варгас?

– Может, это и не рыбы, – усомнился Радин. – Но чешуя у них определенно золотая. И разумеется, я был в галерее «Варгас». Я, представьте, даже визитки заказал. Осталось

еще сорок девять штук.

– Я с вами свяжусь, – сказал Салданья придушенным голосом и повесил трубку.

Телефон тут же зазвенел снова: это был портье, заявивший, что завтра администрация предоставит другой номер, по низкому тарифу. Налив себе вина в стакан из-под зубной щетки, Радин подошел к окну и некоторое время смотрел на город.

Гостиница была построена в форме корабля, и, если бы номер Радина был на корме, из окна был бы виден маяк, стоящий там, где река впадает в Атлантику. А завтра он окажется в каюте третьего класса, без иллюминаторов, и если ничего не придумать, то послезавтра придется спать на куче угля. Допивая вино, он думал о попутчике, который, скорее всего, не перезвонит, о директоре фирмы, который точно не перезвонит, и о женщине с челкой, похожей на сорочье крыло.

В этом городе меня с первого дня принимают за кого-то другого. То за повара-итальянца, то за русского дурака. Как там говорил каталонец: вы себя принимаете за другого, а тот другой вас не принимает. Потом он налил второй стакан и подумал о том, что возвращаться ему некуда: за гарсоньерку без окон, снятую на полгода, нечем будет платить, а друзей в этой стране у него нет. То есть друзья-то у него есть, грех жаловаться. Но не те, что без лишних слов поставят на кухне раскладушку.

Иван

Моя мать говорила: первый характер марьяжный, второй – куражный, третий – авантажный, так вот, у Лизы – куражный, иногда я хочу взять ее за волосы и бить головой о подоконник, она такая маленькая, что я мог бы разнять ее руками на два половины, достать ее сердце и засушить, как пион, между страницами справочника, да только где его взять, книги мы свезли к ней на дачу, за неделю до португальского рейса. Думаю, что книги пошли на растопку, да и кому они теперь нужны, она читает только либретто, а я живу в царстве мертвых.

Я никогда не думал о ее теле, его как будто и не было, глиняная фигурка, петушок на палочке. Когда я в первый раз пришел к ней домой, то сидел на кровати, слушая про какие-то глиссады, и ни разу даже не подумал о том, чтобы ее потрогать. Я битый месяц был влюблен в ее походку – я сам пытался ходить такой походкой, когда думал, что меня никто не видит. Мне бы даже в голову не пришло приставать к ней с поцелуями, все равно что поймать цаплю в камышах и попытаться засунуть язык ей в клюв.

Все началось, когда в январе мы пришли на показ «Копелии», балет шел на учебной сцене под фонограмму, и со звуком у них было не очень, а со светом еще хуже. После того как занавес, похожий на плюшевую штору, опустился, нас позвали в комнату за кулисами. В комнате было полно напудренных девиц, пахло потом, будто на скаковой конюшне,

и двое парней разливали какую-то дрянь вроде портера. Потом пришли люди с травой, все заволочло дымом, цветочные стебли хрустели под ногами, лампы дневного света гудели, зеркала сияли, и я забыл, где выход.

Помню, что часов в десять в коридоре раздался странный звук, не то скрежет, не то жужжание, свет вырубился, и стало темно. Кто-то хрюкнул, потом засмеялись, где-то посыпалось стекло, и меня поцеловали в темноте. Неизвестно чей поцелуй горел на моем лице, между щекой и виском, я чувствовал его, как набрякшего от крови комара.

Через два дня мы с Лизой уехали, потому что я сильно задолжал на Морской и в городе торчать не хотелось, так что я взял два шерстяных свитера и повез ее на теткину дачу, где всегда был запас консервов и водки, вот только печку приходилось топить, а не затопишь с ночи – проснешься, стуча зубами в голубоватом холоде, под волглым комковатым одеялом, набитым как будто бы живыми утками.

Радин. Вторник

В предутреннем свете тела девушек казались пепельно-серыми. Одна из них лежала у него в ногах, свернувшись в комочек, а другая вытянулась вдоль стены, спрятав лицо в подушку. Радин медленно повернул голову и увидел столик на колесах, заваленный грязной посудой, на полу стояла ваза с раскисшим виноградом.

Он выбрался из постели и прошлепал босиком в ванную.

Наушники нашлись в стакане с зубными щетками, рядом валялся тюбик губной помады. С тоской посмотрев на душевую кабину, он запустил барабаны джембе, включил воду и стал растираться мокрым полотенцем. Дверь в ванную приоткрылась, одна из девушек просунула сонное личико и улыбнулась, увидев голого Радина:

– Ой, извини. Я забегу на минутку?

– Давай. – Он прочитал ее слова по губам, в наушниках радостно затрещал шекере. С тех пор как музыка умерла, африканские инструменты стали его утешением. Девушка склонилась над раковиной, плеснула в лицо водой, почистила зубы и вышла, прихватив полотенце. Как же ее зовут, думал Радин, такая розовая, сытая, в крапинках, будто речная форель. И следует ли девчонкам заплатить? Надеюсь, хоть ночью я не рыдал и не позорил профессию. Выглянув в окно душевой, он увидел флаги на башнях Св. Ильдефонсо и вспомнил, что живет на самом верху, в бочке лучника.

Протирая лицо гостиничным лосьоном, он прокрутил в памяти вчерашний вечер: сначала я спустился в бар на корме и сидел один, потом пришли шведки, я заказал еще вина и сразу пошел дождь, вода побежала по жестяным водосточкам, а после с грохотом полилась из пасти льва, держащего в лапах адмиралтейский якорь. Ну, дальше все понятно.

Вернувшись в спальню, Радин увидел, что девушки ушли, оставив на столике салфетку с телефонным номером. Этикетки на бутылках были незнакомыми, местный портвейн,

хорошо, что не «Scion», и на том спасибо. Радин нашел свои джинсы и достал из сумки свежую рубашку. Вчера он посмотрел расписание автобусов в Брагу и намеревался успеть на трехчасовой, надо увидеть Бом-Жезуш, раз уж он забрался так далеко на север.

Счет от рум-сервиса ждал его на ручке двери. Когда он проходил мимо стойки портье, тот поманил его рукой и показал сложенную вчетверо телефонограмму. Гостиница называлась «Фрегат Дон Фердинанду», конторка была обшита тиковым деревом, и порядки здесь царили старомодные. На бумажке от руки было написано: *09:45, звонила сеньора Варгас, просила срочно зайти по важному делу.*

Радин уверил отель, что разберется с оплатой к вечеру, и решил было позавтракать как следует, но едва смог запихнуть в себя пару черносливин. Уходя из ресторана, где торопливо ели запоздавшие постояльцы, он прихватил свежую пышку с керамического блюда, расписанного ящерицами.

Зачем я понадобился Варгас? Почему меня преследует чувство, что мной как-то бездарно воспользовались? Почему Салданья бросил трубку? Вернет ли он тетрадь? Заплатит ли за номер и бар? Где бы прямо сейчас раздобыть аспирину?

* * *

– Вы говорите, что ваш ассистент пропал в начале января. Но ведь он мог просто уехать из страны. Почему вы только

теперь забеспокоились?

Радин сидел в знакомом кресле, похожем на две автомобильные шины, и не верил тому, что слышит. Ему только что предложили пять тысяч за неделю работы. Пять тысяч? Можно снять квартиру с террасой, купить ящик граппы и недели две вообще не выходить. Но какой к черту из меня детектив? Я человек без лица, бездомный романист сорока с лишним лет. Автор рекламы молочного сахара.

Варгас выглядела так, будто тоже провела бессонную ночь: синие перья топорщились, смуглое лицо казалось еще темнее. Некоторое время она молча прихлебывала из чашки, искоса поглядывая на Радина. Кофе ему не предложили.

– Вы ищете русского юношу, а я хочу выяснить, где мой помощник. Раз вы утверждаете, что зимой их видели вместе на бегах, то есть надежда, что вместе они до сих пор. Для вас это выгодно, детектив, никаких лишних хлопот. Договор можем не подписывать, оплата наличными.

– Был бы рад помочь, но завтра утром я уезжаю.

– Глупости, вы ведь только начали. – Она встала и открыла окно, в кабинет ворвались гудки автомобилей и собачий лай. – Я знаю, что детективы не любят вести два дела сразу, но эти дела крепко связаны, разве нет? В любом случае я покрою ваши расходы. Вы ведь не на Интерпол работаете, а на частное лицо?

– На частное лицо, – сознался Радин.

– Еще мне нужна книга, над которой Крамер трудился це-

лый год. Мы не успеем ее издать, но я смогу разослать текст участникам аукциона, который начнется в конце недели. Все права на книгу принадлежат мне.

– Вы уверены, что эти двое сбежали вместе?

– Сбежали? Нет, австриец был не такого сорта. Он работал у нас не столько ради денег, сколько ради нужных знакомств и доступа к архивам. Я была уверена, что к выставке он вернется с готовой рукописью, чтобы снискать себе славу. Кристиан Крамер – очень расчетливый юноша, понимаете? Этой возможности он бы не упустил.

– А в сыскное агентство вы не хотите обратиться?

– Я не могу себе позволить ни малейшей утечки, а сыщик непременно продаст информацию журналистам. Вокруг выставки Понти клубится целое облако слухов, публика заинтригована, но известие о пропаже молодого искусствоведа загубит аукцион. Детектив-иностранец, который ни с кем не знаком и тихо уедет сразу после дела, – это тот, кто мне нужен. Поэтому я не скуплюсь, как видите.

– А чего вы больше хотите, найти парня или найти монографию? – Радин выбрался из кресла и прошелся по комнате. Все в этом здании было железным или кожаным. Не галерея, а головной убор викинга.

– Найдите все, что сможете. Я дам вам список людей, которых нужно посетить, начните прямо сейчас и строго соблюдайте очередность. – Варгас вырвала листок из блокнота и написала несколько имен. – Первым номером идет вдова

Понти, она живет на холме в собственной вилле, это далеко, возьмите такси.

– Почему я должен искать его на вилле? У него не было своей квартиры?

– Разумеется, была! За нее платит галерея, и оплату мы произвели за год вперед. Просто на вилле он проводил больше времени, чем дома: все под рукой, рисунки, дневники, мечта любого биографа. Никому другому вдова архивов не показывала, Кристиан, полагаю, вызвал у нее особое чувство. В ее возрасте женщины доверчивы как божьи коровки.

– Она вам не слишком нравится, верно?

– При жизни Алехандро ее даже по имени никто не знал, а теперь она владелица всего архива и вот этих работ с эстимейтом в четверть миллиона. – Варгас махнула рукой в сторону зала.

– Они продадутся?

– Не сомневайтесь. Купить можно только всю серию целиком, так что мы ждем солидного посредника. Но вернемся к делу. В январе я позвонила на виллу, и мне сказали, что Кристиан не появлялся там больше недели. Консьержка в его доме говорит, что он долго болел, даже продукты заказывал с доставкой. Потом он внезапно уехал, не оставил даже адреса для пересылки почты.

– Почему вы не обратились в полицию?

– Вы уже спрашивали. Я предпочитаю заплатить профессионалу, наши копы только митинги умеют разгонять и

брызгать мыльной пеной. – Она подвинула к нему связку ключей, будто шахматную фигуру. – Живите в его квартире, я не намерена платить за ваш отель. Если найдете там книгу или хотя бы черновик, сразу везите сюда. И не забудьте, что начинать следует с виллы Понти!

Слишком все гладко, думал Радин, разглядывая связку с брелоком в виде морской звезды. Чем дольше он оставался в этом кресле, тем глубже увязал в неприятной роли. Теперь еще и квартира. Я уже влез в чужую историю шесть лет назад и так вывалялся в дегте и куриных перьях, что целый год не мог смотреть на женщин без содрогания.

– Я могу выдать вам аванс. – Варгас достала из ящика желтый конверт. – С условием, что вы начнете прямо сейчас. Здесь ровно тысяча.

Радин помотал головой, в горле у него пересохло. Извиниться и покинуть помещение. Стоит мне взять у нее деньги, и я выйду чистой воды мошенником. Если не брать денег, мистификация останется в области розыгрыша. Я еще успею на трехчасовой.

Часы на колокольне пробили одиннадцать, и сразу послышался свежий, шелестящий звук поливальной машины. Радин подошел к открытому окну и увидел два сверкающих на солнце водяных веера, крутившихся посреди газона. Мокрые бархатцы казались примятыми, рыжие *tagétes*, сложноцветные. Из земляной борозды на газоне медленно поднимался мальчик с лицом старика, Радин знал, что зовут его

Тагес и он вот-вот дарует миру искусство гадать по внутренностям.

– Так вы беретесь или нет? – спросил кто-то у него за спиной.

Мальчик держал в руках баранью печень, сделанную не то из бронзы, не то из глины, Радин знал, что линии разделяют ее на шестнадцать частей, потому что небесный свод населяют шестнадцать богов. Поливальные веера остановились, и трубки сразу ушли в землю, будто два золотых жезла, укававших место закладки города.

Нет, погоди, жезлы были у инков, а здесь этруски! Радин вернулся к столу, улыбнулся женщине с синей челкой, взял морскую звезду с ключами, сунул ее в конверт и положил конверт себе в карман.

Доменика

Когда тебя хоронили, вернее, хоронили пустой гроб, народу было так много, что кладбищенский сторож жаловался мне на затоптанные цветы на чужих могилах. Люди толпились вокруг креста, как бараны вокруг пастуха, которого поразила молния, они принесли розы и орхидеи, а я принесла зеленые лютики, ранункулюсы. Ты их любил, они нравились тебе своей бесцветностью. Я ушла оттуда и бродила по городу, в конце концов меня вынесло на риа до Оро, и я поняла почему.

Если где-то и есть место, где стоит поговорить с тобой, то

это там, на бетонной шее моста, построенного Кардозу в том году, когда мои мать и отец приехали в этот город.

Поднявшись к первому уровню, где толпились обмотанные желтыми лямками японцы, я вынула из сумки цветы и швырнула их в воду. Пытаясь проследить их падение, я схватилась за перила, потому что голова у меня пошла кругом: сизая тень моста лежала на воде и на крышах правого берега, будто тень животного, изогнувшего тело в прыжке. Ветер дул мне прямо в лицо, я и забыла, какой здесь сильный ветер!

Вот тебе твои похоронные лютики, сказала я, глядя на быструю воду, я не знаю, что с тобой произошло, и никогда не узнаю. Газеты приводят цифры, столько-то метров, такая-то скорость падения. Если бы ты придумал этот прыжок как часть представления, ты бы все знал и про метры, и про скорость. Ты хотел убить себя, и теперь мне придется думать – почему, долго думать, весь остаток моей жизни.

Последние три года были не слишком хороши, это верно. Мы перестали спать вместе, ты всю зиму пропадал на юге, а летом запирался в студии, пил белое и слушал Камане.

А потом ты начал делать наброски, и все изменилось. Так приходишь домой со страшной жары, в комнату с фонтаном и мавританской плиткой цвета холодных сливок. Или в роще потеряешь лошадь, бегаешь, кричишь, сам уже не помнишь дороги, ляжешь без сил в траву, а она, вот она – выплывает из кустов, большая, тихая.

Ты накопил прежде невиданных красок, говорил мне про

пигменты, про то, как тебе пригодился бы египетский синий – простое стекло, растертое в порошок, а еще тирийский пурпур, хоть бы один заваливающий моллюск!

Я прокрадывалась в мастерскую, поднимала тряпку и смотрела на твой первый холст. Я видела, как летящее красное пятнышко увеличивается, наливается соком, в один день оно было похоже на вишню, в другой – на выпавший из кольца старомодный рубин. Кто бы мне сказал тогда, что я смотрю на твое собственное тело, летящее в реку. Твое тело всегда было крепче моего, добротное, крестьянское тело, но и оно разбилось, не помогла ему ни прочность жил, ни крепость костей.

Сегодня утром Мария-Лупула, которую ты приволок в наш дом бог знает откуда, сказала мне, что пора перестать тосковать. Думайте о хорошем, сказала она сурово, а то с вами рядом стоять тяжело! Я послушно подумала о саде, полном дельфиниумов, она нахмурилась, я наспех перебрала заснеженные красные трамваи в городе, колокольню, мамины сапфиры, она недовольно поцокала языком, тогда я зажмурилась и вспомнила день, когда поняла, что больше никогда не увижу к., не узнаю мыслей к., не услышу стук ложечки к. в кофейной чашке к. – я подумала обо всех ослепительных, просторных, бесконечно протяженных днях жизни без к., я открыла рот и сказала: его больше не будет! никогда не будет! и она кивнула и пошла на кухню на своих грубошерстных вязаных лапах.

Радин. Вторник

В трамвае он немного поплакал, отвернувшись от пассажиров и подняв воротник, а потом вышел возле парка Монсер. Асфальт был сухим, однако какое-то журчание, похожее на стук дождя по водостоку, донеслось до его слуха, он принялся искать в кармане наушники, но, свернув к воротам, увидел женщину в кожаном пальто, присевшую над листом жести. Подняв голову, она раскрыла рот и быстро пошевелила языком. От этого у него почему-то заныл натертый мизинец на ноге.

Радин вспомнил, что хотел зайти в лавку и купить мокасины. Детектива ноги кормят, подумал он, продвигаясь вдоль ограды, похожей на решетку Троицкого моста, и нащупывая в кармане конверт с десятью сотенными. Когда он приехал в эту страну в первый раз, на деньгах рисовали парусники, компасы и бразильских зверей. Эскудо были приключением, одно название чего стоило.

Приключение, вот что гнало его вперед, на холм, хотя поручение галереи представлялось невыполнимым, мятное, газированное любопытство, забытое с итальянских времен, холодило ему язык. Перед тем как покинуть отель, он позвонил попутчику и сказал, что легенда детектива сработала неожиданным образом: его наняли искать пропавшего искусствоведа по имени Крамер. После долгой паузы попутчик спросил:

– Варгас ищет своего ассистента? С какой стати?

– Он должен был закончить книгу к началу аукциона, но так и не появился. Книга ей нужна. Она дала мне список людей, которых следует навестить.

– Каких еще людей?

– Начать следует со вдовы художника Понти, потом еще трое. Четвертый номер – это вы, сеньор Салданья. Разумеется, я не сказал, что мы знакомы, даже виду не подал.

– Это вы правильно сделали, – хмыкнул попутчик.

– Вы говорили, что проводите расследование для вашей газеты. Теперь, когда я оказался внутри этой истории, мы можем узнать гораздо больше. Речь идет о чем-то незаконном?

– Спасибо за помощь, – буркнул Салданья и положил трубку.

Радин звонил из бара на верхней палубе и во время разговора незаметно выпил стакан мохито. В полдень, вернувшись в гостиницу, он первым делом спросил, нет ли почты, но портье покачал головой: ваш счет оплатили, но писем нет. Радин отдал портье ключи, оставил у него сумку и устроился в баре, где гудели на ветру полосатые маркизы.

Почему человек из «Público» повесил трубку? И тетрадь не прислал, придержал. Видно, думает, что я ему еще понадобится. Ну и черт с ним. Зато можно заказывать выпивку, не глядя в меню, шуриться на солнце и нащупывать в кармане ключи от дома. Вот тебе, Радин, простые радости, о кото-

рых бубнил каталонец. Ключи от райских врат вчера – пропали чудом у Петра.

* * *

Садовника на вилле, похоже, не было, жухлые прошлогодние листья закрыли балюстраду и доходили до щиколоток терракотовой богине в саду. Поднявшись на холм по пологой лестнице, Радин удивился тому, как быстро это вышло, потом дорога свернула в частный поселок, занимавший несколько складок холма с северной стороны.

Поселок был похож на крепость, с одной стороны холм обрывался в реку, с другой тянулась ограда из белого камня, в которой темнели запертые калитки. Радину пришлось объясняться со сторожем, сидевшим в будке, а потом долго идти по пустынной улице, где городская жизнь была представлена сапожной мастерской и библиотекой.

Первой в списке стояла вдова Понти, проживающая на руа Ладейра, что означает «склон холма». Теперь он знал, что это и вправду склон холма, утыканный кипарисами, будто военная карта флажками. Под номером два значился некто Гарай, живущий в районе грузового порта, его Радин оставил на вечер, а про третий номер решил подумать завтра.

Дверь открыла служанка, и он долго шел за ней по коридору вдоль стеклянных панелей, за которыми темнели листья зимнего сада. Девушка взяла его визитку и бесшумно удали-

лась. Гостиная была просторной и небрежно обставленной, в ней все казалось случайным – и белый керамический стол, расписанный лимонами, и полосатая софа, похожая на уругвайский флаг, и выложенный битыми азулежу камин. Из гостиной можно было подняться на галерею, наверх вела винтовая чугунная лестница без перил.

Радин сел в кресло и принялся рассматривать роспись на потолке, напомилавшую купол Сан-Антонио-де-ла-Флорида. Он был там с женой, когда они гостили у мадридской родни, в те времена Урсуле казалось, что разглядывание фресок сближает, и он покорно ходил за ней по жару.

– Вы, наверное, думаете: сам ли он это расписал? – сказали у него за спиной. – Нет, мы нанимали людей. На такой купол ушло бы не меньше года. Меня зовут Доменика Понти.

В дверях стояла светловолосая женщина в платье из красного льна. На лице у нее стыла терпеливая улыбка, и вид был такой, будто она собиралась провести экскурсию по дому. Сюда, наверное, ходит много народу, подумал Радин, перед выходом он посмотрел на карту и увидел, что поселок помечен значком *достопримечательность*.

– Я тот детектив, что звонил вам час тому назад. – Он приподнялся из кресла. – Я веду частное расследование. По поводу исчезновения человека, который у вас работал. Сеньор Крамер, магистр искусствоведения.

– Кристиан у меня не работал. Он писал монографию о моем покойном муже. – Женщина подошла поближе. – Это

разные вещи, понимаете?

Радин посмотрел ей в лицо и поразился его белизне. Оно было совершенно как только что очищенное яйцо. Таким же белыми были полные руки и шея, на шее плотно сидело жемчужное ожерелье.

– Так вы русский детектив? А похожи на англичанина! – Она разглядывала его с улыбкой. – Мне приходилось работать в лондонском «Noël Coward», я играла в «Половине шестипенсовика», и последними настоящими англичанами там были старые билетеры. Так что у вас за вопросы?

– Кристиан писал книгу здесь, у вас в доме?

– Мальчик работал в мастерской. – Она пересекла комнату и стала подниматься по винтовой лестнице, придерживая платье руками. – Наверху студия моего мужа, я стараюсь сохранить все в прежнем виде. Муж покончил с собой в прошлом году, тридцатого августа.

– Простите, я не знал. – Радин последовал за ней. Полуденный свет заливал мастерскую, посреди комнаты стоял мольберт, накрытый полотном, тюбики с краской лежали на столе, в китайской вазе стояли кисти и сухая ветка рябины.

– А вы точно не журналист? Кто вас нанял для этой работы? – Женщина стояла перед мольбертом, сложив ладони, будто перед алтарем, и Радин почувствовал стыд за то, что морочит ей голову.

– Я не могу назвать вам имя моего клиента, простите. Вы можете точно сказать, когда видели юношу в последний раз?

– Двадцать девятого декабря. – Она опустила в плетеное кресло у окна. – Я говорю это с уверенностью, потому что в тот день я взяла его с собой в Коимбру, на елку для приюта святой Катерины. Меня попросили сказать речь. Ну и подарки привезти, разумеется.

– И там он пропал?

– Почему вы думаете, что он пропал? Кристиан был свободным мужчиной, не обремененным семьей или долгами. И он всегда говорил, что однажды уедет отсюда навсегда, вот только книгу закончит и уедет.

– Эта книга, наверное, у вас?

– С какой стати? – Она лениво пожала плечами. – Книга принадлежит автору, я только помогала в написании некоторых глав. Говорю вам: Крамер приходил сюда работать, иногда обедал с нами, у него даже ключей от виллы не было.

– У вас могли остаться черновики. Это первая серьезная работа о творчестве Понти. Разве вам не интересно было увидеть текст до публикации?

– Вас ведь послала Варгас? – Вдова посмотрела на него ясно и насмешливо.

– Я не могу ответить на этот вопрос. Вы тоже не обязаны отвечать на мои вопросы, я не имею отношения к полиции. Это лишь жест доброй воли, и я на него рассчитываю. В тот вечер парень вернулся с вами из Коимбры?

– Нет. Он туда не поехал.

– Но вы сказали... Что-то произошло и он изменил свои

планы?

– Это я изменила свои планы. – Она опустила глаза и поправила жемчуг на шее. Ее кольцо напомнило Родину белые бусы его матери, дутые, приятно хрустящие, она называла их «перлы» и тоже носила в три ряда.

– Итак, вы передумали, и он с вами не поехал.

– Он поехал, но вышел из машины на бензоколонке «Реп-сол», уже на выезде из города. Там мы заправлялись, немного повздорили, и он отправился по своим делам. Больше я о нем ничего не слышала.

– На чем же он вернулся домой? Оттуда ходит автобус?

– Понятия не имею. Я редко пользуюсь автобусами.

– Я понимаю, что не имею права спрашивать о подробностях, – осторожно сказал Родин. – Но вы помогли бы мне, если бы сказали, в чем была причина вашей ссоры. Не сомневаюсь, что вы заинтересованы в расследовании не меньше, чем мой клиент.

– Варгас просто мутит воду, – сказала вдова, поднимаясь с кресла. – Она думает, что я его спрятала. Отправила куда-нибудь на юг, подальше от ее костлявых ручек. Но я его не прятала. У меня хватает своих забот, я все еще скорблю о своем трагически ушедшем муже. Боюсь, наша беседа подошла к концу, детектив. Мария-Лулула покажет вам дорогу.

Малу

студент у нас в доме появился прошлой весной, падрон

его привел, это, говорит, не студент никакой, а будущий doutor em ciências, пишет обо мне книгу, так что привечай его как положено!

ну, я все равно его студентом звала, про себя, сначала он мне странным показался: волосы крашенные, борода куцая, штаны до щиколоток, на шее шнурок с медалькой, на медальке святой, я сразу сказала, что это Сан-Жуан, покровитель нашего города, а он смеется, это, говорит, святой Пантелеймон, его мощи из собора украли, вот народ его и забыл, с глаз долой – из сердца вон!

потом я стала его на кухню приглашать, когда пироги еще горячие, он кофе не любил, только чай, а уж чая-то у меня всякого в достатке, у нас в деревне, бывало, до сорока сортов разных сборов по стенам развешивали, он приходил, чай пил, пироги ел, жаловался, что хозяин его всерьез не принимает, архивы не дает посмотреть

я его утешала, а уйдет, так хожу по кухне как слепая, на столы натыкаюсь, вижу – плавиться начала! так-то мне мужчины для баловства не нужны, у меня кровь холодная, одно слово, лягушка из лагуша, так меня девчонки звали, когда я у тетушки работала

так лето и прошло, потом был тот август проклятый, полиция, похороны, и вообще позорище, я так по хозяину убивалась, что про студента забыла, а в сентябре он сам явился, постучался с заднего крыльца, я думала, мальчишка из лавки, а это он – с дорожной сумкой, серьезный такой, волосы

в пучок завязаны, я, говорит, у вас часто бывать буду, меня хозяйка пригласила с архивом поработать

сначала я чай ему носила, прямо как раньше падрону, потом, в октябре, не выдержала, дождалась, когда хозяйка в город уедет, надела ее платье, волосы гребнем заколола, поднялась в студию – и стою в дверях, жду, когда он голову от бумажек поднимет, а он поглядел так искоса и смеется: в груди не жмет?

что есть то есть, грудь у меня на хозяйкину не похожа, она носки подкладывает, а мне Господь дал сколько положено

Иван

В начале лета я нашел в грузовом порту итальянскую книгу без обложки. Начал читать, с трудом разбирая слова, и вдруг обрадовался, будто приятеля встретил. «Когда поутру встаешь с постели, кроме чувства изумления, что ты по-прежнему жив, не меньшее удивление испытываешь и оттого, что все осталось в точности так, как было накануне».

Тем вечером я встречался с Кристианом в городе и принес книжку с собой. Разумеется, он выпросил ее почитать, значит, я ее больше не увижу. Крамер из меня веревки вьет, он давно разгадал мой секрет, и не он один. Я со школьных времен такой слабак: не могу сказать нет, когда кто-то настаивает на своем, делая дружеские пассы и глядя на меня с набухающей прозрачной обидой во взоре.

Лиза была дома, когда я вернулся, и в тот день она была

старой девой. Один наш профессор говорил, что в викторианской литературе есть четыре типа женщин: ангел, демон, старая дева и падшая женщина. В Лизе помещаются три – как три смелые леди в медведе, а четвертую я пока не встретил.

Как только я открыл дверь, Лиза поднялась с лежанки, служившей нам кроватью, пробормотала, что рис на плите, и пошла принимать душ в углубление, служившее нам душевой кабиной. Ей не хотелось со мной разговаривать, а там она могла немного побыть одна.

Пора мне уезжать, сказал я, заглянув за занавеску, где она намыливала голову пахнущим сиренью шампунем. Я его иногда нюхаю, если ее долго не бывает дома. Лиза убрала волосы с лица, выключила воду и спросила, куда это я собрался. Я молча смотрел на нее, понимая, что мог бы сейчас сбросить джинсы, зайти в нишу и постоять рядом с Лизой, подставляя лицо под прохладные струйки воды. Душ я сделал из садовой лейки и двух резиновых шлангов, в первый же день, когда мы сняли комнату.

Еще месяц назад, ну ладно, два, я бы так и сделал. Бросил бы одежду на пол, втиснулся бы туда, ухватился бы за Лизу, чтобы не поскользнуться, я бы еще и голову ей вымыл, меня хлебом не корми, дай вымыть ей голову. А теперь не мог. Нас разделяла занавеска с желтой диснеевской мышью, купленная на распродаже. До занавески было прошлое, четыре чужих года, сначала весело, *staccato*, *misterioso*, потом *allegro*

molto, а потом душевное сиреневое moderato, которое, как известно, никуда не ведет.

Радин. Вторник

Ветер был как раз таким, на который вечно сетуют местные рыбаки, мол, снова подул северо-восточный, а значит, поднимется цена на треску. Если дует nord или ost, рыба объявляет пост. По дороге с холма он завернул в поселковую библиотеку и попросил *revistas de arte* за сентябрь прошлого года, но ему отказали. Он мог бы почитать о смерти художника в сети, но мобильный интернет отключили за неуплату, а надежды на вайфай в квартире аспиранта не было, раз он уехал еще зимой.

За конторкой сидела хмурая девица, для отказа у нее были две причины: Радин не был здешним жителем и она не выдавала подшивки на дом. Пришлось употребить лисью улыбку, которой он пользовался редко, как отшельник своими кремнями. Оставив пятерку в залог, он получил глянцевый номер «Северной столицы» и пролистал его, сидя на автобусной остановке. Статья называлась *прыжок в пустоту*, весь разворот занимала голубая картина с красным пятнышком в центре.

«Это был самый безумный перформанс из тех, что я видел в своей жизни. Алехандро Понти выпил вина со своими гостями, показал обещанную работу, а потом отправился на мост, помахал публике рукой и прыгнул вниз. Я был одним

из сотни приглашенных, мы все закричали от ужаса, когда увидели тело, летящее в воду. Никто так и не понял, что заставило Понти так поступить. На севере страны его носили на руках, он был счастливо женат и выстроил дом в том месте, где Дору впадает в океан, чего еще желать?»

На дороге показался автобус, Радин сунул журнал в карман куртки, встал и помахал шоферу рукой. Итак, я пробыв детективом около часа, думал он, глядя в окно на сплошную полосу цветущей жакаранды. Где-то я читал, что в одном африканском племени мужчины носят на спине маленькую деревянную скамейку, повсюду, куда бы они ни пошли. А я вот ношу свое умение попадать в чужие истории.

В весеннем Бриатико я попал в чужую историю, пытаюсь распутать свою собственную. Помню каждую минуту этого года: выгоревший в белое фасад гостиницы, кипарисы на холме, похожие на кадила, аквариум с бессмертными рыбками в витрине аптеки. Потом прошло шесть лет, а потом хоп – и частная больничка для пьяниц, где каждое утро я отражался в блестящем боку кофейника, который приносили в палату. Лицо было кривое, поперек себя шире, но других зеркал в палате не было.

И вот я здесь, *в партикулярном платье из аглицкого сукна*, еще одна весна в незнакомом городе, и я снова выдаю себя за другого. Поверить не могу, что в кармане куртки лежат десять сотенных, а у меня не спросили даже документов. В римском праве такая сделка называлась «пактум», голое со-

глашение, свидетелей не требовалось, но вопросы и ответы должны были звучать одинаково.

– Dabis? Promittis?

– Dabo! Promitto!

Попутчик из поезда уже заплатил за мой отель и, похоже, намерен исполнить все обещания, хотя его поручение выглядит довольно простым. Монолог русского детектива я исполнил из рук вон плохо, и слушали его безо всякого внимания. Зато из этого поручения вытекло другое, прямо как полноводная река из рук Озириса.

Статья в журнале была подписана инициалами X. S., автором мог быть и Салданья, правда, тот говорил, что работает в «Публико». Если это он, то его зовут Xavier, то есть Шавьер, другого имени на эту букву, кажется, нет. В столице у Радина был приятель с таким именем, владелец рыбной лавки, и все вокруг звали его Шаша. Радин вспомнил сиреневые спинки креветок на груди колотого льда, постукивание ракушек, сыпаемых в лоток, гудение латунной раковины, где мыли крупную рыбу, и пожалел, что не позавтракал в гостинице.

* * *

Конечная остановка была у вокзала, до улицы Лапа пришлось идти пешком. Подойдя к дверям, он подумал, что ошибся, потому что фамилии Крамер на табличке домофо-

на не значилось, однако ключ от парадного подошел к замку. Кнопка чугунного лифта была разбита, комната консьержки под лестницей оказалась пуста. Поднявшись пешком на четвертый этаж, Радин достал ключи, вошел и сразу почувствовал, что в квартире давно не живут. Запах гнилых растений плотно стоял в столовой, а букет в высоком кувшине превратился в болотце стоячей грязи.

Интернет еще не отключили, пароль был написан мелом на графитовой доске, висевшей над кухонным столом. В углу кухни стояла чугунная ванна на львиных лапах, и Радин обрадовался. С тех пор как он понял, что с ним делает бегущая вода, ему ни разу не удалось толком помыть голову. Он нашел мешок для мусора, вытряхнул туда остатки цветов, завязал мешок, сел и осмотрелся.

Окно гостиной было приоткрыто, занавеска потемнела от уличной сажи. Зеленый кожаный диван, спинка изрядно подрана когтями, две полки с книгами, проигрыватель винтажного вида. Радин полистал газеты, валявшиеся на полу, все старые, за девятое и десятое января, потом обошел квартиру, обнаружив две кошачьи миски с именами, написанными маркером по белому фаянсу. Мальядо и Женжибре.

Похоже, гранитный подоконник служил хозяину письменным столом, как в монастырской келье. Радин убрал с него бумаги, книги, початую бутылку жинжиньи, открыл окно и выкурил сигарету, спустив ноги на железный карниз и глядя, как соседский пес роет нору посреди двора.

Постель в спальне была довольно грязной. Радин собрал простыни в узел и сунул в плетеную корзину вместе с полотенцами. Судя по запасам в кухонном шкафу, парень не слишком любил ходить в супермаркет. Три пачки кофе, двенадцать банок тунца и пара полотняных мешков с фасолью и рисом. Похоже на продукты, закупленные для морского путешествия, подумал Радин, разглядывая цифры на упаковке, не хватает только рома и сухарей.

Горячей воды не было. Он надел наушники, наполнил ванну, просидел в ней несколько минут, выбрался, дрожа от холода, и завернулся в чужой банный халат. Потом он позвонил в галерею и сказал, что виделся со вдовой и завтра намерен посетить человека, стоящего в списке под номером два, – живописца, живущего на окраине города.

Варгас велела составить отчет и перед тем, как повесить трубку, добавила: этот художник – друг юности Понти, его бледная копия. Он в списке лишь потому, что мой ассистент навещал его в декабре, перед тем как исчезнуть. Человек он пустой и станет врать, будьте настороже.

Компьютер аспиранта открылся без пароля, диск был под завязку набит нуаром, и Радин решил перед сном посмотреть «Большие часы» с Рэем Милландом. Ему нужно было выпить, но спускаться в лавку не хотелось. Он вспомнил про жинжинью, вытащил тугую бумажную пробку, и она развернулась, оказавшись картинкой с тремя стариками – двумя в золотых колпаках и одним в чалме.

Бальтазар, Мельхиор и кто там третий? Каспар.

Такие буклеты раздают в день Трех Королей вместе с миндальными пирогами и картонными стаканами с церковным вином. Похоже, хозяин квартиры был на январском шествии, думал Радин, пробуя сладкую настойку, а потом десятого января купил газету. На это мы можем хоть как-то опереться. В галерее парень не появлялся с двадцать второго декабря. Допустим, он уехал на праздники домой, есть же у него родители или, скажем, девушка в маленьком австрийском городке.

Фотографии Крамера он нашел быстро, хотя в социальных сетях тот был не слишком заметен. У него было обычное лицо человека, начинающего карьеру в мире аукционов: немного настороженное, холеное, с высоким лбом и модной бородкой, которую лиссабонский парикмахер называл «бретта» и предлагал Радину при каждой встрече.

Куда подевался этот белокурый каспар хаузер, в какие подался кавалерийские войска? И где монография, которую он собирался опубликовать? Сегодня осмотрю весь дом как следует, а завтра навещу человека, который, по словам галеристки, не скажет мне ни слова правды. Если она права, то это будет третий человек, который станет мне врать.

Гарай

Однажды на пикнике выпускников академии я пытался поговорить с Варгас о выставке своих пейзажей, так она до-

стала золотой карандашик, открыла записную книжку и записала мое имя где-то в конце. *Я с вами свяжусь, если появится возможность.* С тех пор прошло восемь лет, но возможность не появилась. Что ж, теперь она будет наказана. А вместе с ней и надменная хозяйка виллы, владелица белой победительной шеи, будто выточенной из слоновьего бивня.

Когда Понти на ней женился, то сразу стал на нее похож, так дервиш из «Тысяча и одной ночи» становился тем, над кем произнес заклинание. Я не сразу понял, что нашей дружбе пришел конец, он ведь стучал меня по плечу в коридорах академии, покупал нам билеты на стадион и все такое прочее. Доменика морщила нос, когда я приходил, но я не обращал внимания, у нас с Понти было слишком много переплетенных корней и веток, мы были голодными молодыми дубами, крепко вросшими рядом, полными птичьего гудения и шума листвы. Никакая ночная кукушка не могла меня перекуковать.

В январе девяносто девятого он уехал в теплые края, а я заразился коклюшем от соседской девчонки и свалился в жару. Оказалось, эта штука легко зажевывает взрослых, это я узнал через неделю, когда началась стадия сухого кашля, от которого я мочил штаны и бился головой об стену. Спустя какое-то время я вынырнул из горячего, пропахшего аммиаком тумана и решился выползти на улицу, чтобы попросить Понти принести еды, а еще лучше бутылку бренди. Позвонить в то время можно было из бара Рене на углу, так что я

сел за стойку, над которой висел экран с беззвучными футболистами, заказал кофе и придвинул телефон поближе.

– Сегодня полуфинал, наши с «Маритиму» играют, я звук выключил, – сказал мне хозяин бара, нацеживая кофе из окутанной паром красной машины. – Ты чего в больницу не лег? Заразу мне не принесешь?

– Кто меня возьмет в больницу-то. – Я снял трубку и принялся набирать номер Понти, который помнил наизусть. – Я даже страховку не плачу.

Некоторое время я слушал гудки, потом в трубке раздался голос Понти, почти заглушаемый голосом комментатора: мой друг тоже смотрел футбол. Горло у меня перехватило, и я поднял глаза на экран, пытаюсь восстановить дыхание. Полуфинал? Это что, уже конец мая? Значит, я проболел больше трех недель.

Три недели меня не было ни в академии, ни на пленэрах, три недели я вообще не давал о себе знать, а мой лучший друг Алехандро даже не спохватился. Такая дружба похожа на старинный механизм канатной дороги: на вершине горы в нее заливали воду, а внизу сливали – только тогда вагоны двигались. Значит, если я на вершине не заливаю, все стоит на месте?

– Алло! – повторил нетерпеливый голос, а за кадром завывали и застонали болельщики.

Я положил трубку, допил кофе и начал кашлять. Кашлял я долго, минуты две, как положено. Джинсы промокли,

и домой я возвращался, прикрывшись вечерним выпуском «Diario».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.